

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра всеобщей истории

**Традиции самурайской этики в японской литературе первой половины
XX века (на примере творчества Мори Огая)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы

направления 46.03.01 «История»

Института истории и международных отношений

Кузнецовой Ирины Николаевны

Научный руководитель
доцент, канд. ист. наук

дата, подпись

А. В. Баранов

Зав. кафедрой
профессор, д.и.н.

дата, подпись

Л. Н. Чернова

Саратов 2026

Введение. **Актуальность** данной работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в отечественной историографии исторические повести Мори Огая редко рассматриваются именно как источник по трансформации самурайской этики в контексте государственной идеологии эпох Мэйдзи и Тайсё. Преобладает филологический подход, тогда как анализ произведений Огая в тесной связи с политико-идеологическими процессами начала XX века остаётся недостаточно разработанным. Во-вторых, фигура Огая уникальна: будучи выходцем из самурайской семьи и одновременно носителем европейского образования, он обладал двойным видением, позволявшей ему изнутри видеть трагическое противоречие между живым кодексом чести и его редуцированной государственной версией. Изучение его подхода даёт ключ к пониманию механизмов превращения традиционной сословной морали в инструмент централизованной власти. В-третьих, тема сохраняет связь с современностью. Проблема того, как государство переосмысливает и использует исторические традиции для конструирования национальной идентичности, не утратила остроты и в XXI веке. Опыт Японии первой половины XX века, когда попытка поставить бусидо на службу милитаризации, является исторически значимым примером, предостерегающим от некритического обращения с культурным наследием. Таким образом, исследование творчества Мори Огая в обозначенном ракурсе позволяет не только углубить понимание идейных процессов в Японии рубежа эпох, но и внести вклад в изучение общих закономерностей взаимодействия традиции, литературы и государственной идеологии.

Объектом исследования является процесс трансформации самурайской этики в японском обществе конца XIX — первой половины XX века и её отражение в литературном дискурсе эпохи.

Предметом исследования являются исторические повести Мори Огая как художественное осмысление судьбы самурайского морального кодекса в условиях модернизации Японии и создания государственной идеологии.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать как в исторических повестях Мори Огая обращение к самурайской этике становится способом критического осмысления конфликтов идентичности и морального выбора, порожденных модернизацией и государственной идеологией Японии первой половины XX века.

Задачи исследования:

— Охарактеризовать исторические условия Японии конца XIX — начала XX века, в которых происходила трансформация самурайской этики под влиянием модернизации, вестернизации и целенаправленного конструирования государственной идеологии.

— Проследить основные этапы биографии и творческого пути Мори Огая, выявив, как личный опыт и общественно-политический контекст содействовали его переходу к написанию исторических повестей.

— Проанализировать ключевые исторические повести («Семейство Абэ», «Посмертное письмо Окицу Ягэмона», «Мечь в Годзиингахаре») с точки зрения отражения в них самурайской морали, ее внутренних противоречий и конфликта между традиционным долгом и требованиями нового времени.

— Раскрыть, каким образом через обращение к самурайскому прошлому Мори Огай осуществлял критическое осмысление актуальных для его эпохи конфликтов идентичности, морального выбора и давления официальной идеологии.

Источниковую базу работы составляют произведения самого Мори Огая – японского писателя и военного врача, чье творчество пришлось на рубеж эпох Мэйдзи и Тайсё. Основное внимание уделено трем его историческим произведениям – «Семейство Абэ» (1913), «Посмертное письмо Окицу Ягэмона» (1917), «Мечь в Годзиингахаре» (1913), которые являются ключевыми текстами для анализа самурайской этики. Кроме художественных произведений, источниковую базу исследования дополняют классические тексты самурайской этики – трактат «Хагакурэ», «Будосёсинсю». Также для

понимания исторических процессов периода Мэйдзи использовалась конституция 1889 года.

Новизна исследования заключается в том, что творчество Мори Огая впервые рассматривается не в литературоведческом ключе, а как исторический источник, отражающий сложный процесс трансформации самурайской этики в условиях модернизации Японии и формирования государственной идеологии.

Теоретическая значимость исследования определяется тем вкладом, который она вносит в изучение взаимодействия литературы и государственной идеологии, а также в понимание механизмов трансформации традиционных этических систем в условиях модернизации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы в преподавательской и научно-исследовательской деятельности. Выводы работы могут быть использованы исследователями, занимающимися сравнительным изучением процессов идеологического конструирования и роли традиционных ценностей в модернизирующихся обществах.

Структура работы определена задачами исследования, логикой раскрытия темы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Основное содержание работы. Во введении обосновывается актуальность темы, цель и задачи исследования, также дается характеристика использованным исследованиям и источникам.

Основное содержание. Глава 1. Япония Мори Огая. Первая глава всецело посвящена рассмотрению исторического контекста, в котором разворачивалась биография и творчество Мори Огая.

Первоначально речь заходит о переменах, начавшихся после реформ Мэйдзи. Характеризуются основные изменения – военные, экономические и социальные.

Военные реформы 1873 года стали одними из важнейших преобразований эпохи Мэйдзи. Армия перестраивалась по прусскому образцу: создавались подвижные маневренные корпуса, формировалась система логистики и снабжения, учреждался офицерский корпус. Параллельно при поддержке Великобритании, Франции и США закладывались мощные верфи, что позволило Японии в короткий срок создать один из самых современных военно-морских флотов в мире. Это способствовало промышленному подъёму первой четверти XX века. Новая армия с самого начала находилась в тесной связи с императорской властью. Уже в 1869 году был основан общественный мемориал в память о погибших в гражданской войне Босин — святилище Ясукуни. Ясукуни создавало культ национальных героев, внушая солдатам, что их смерть за императора будет освящена в храме. Тем самым с первых лет Мэйдзи целенаправленно пропагандировалась императорская божественность и формировалась новая государственная идеология, основанная на переосмысленной самурайской этике самопожертвования. Завершающим элементом военных реформ стало введение всеобщей воинской повинности: отныне службу обязаны были проходить все мужчины независимо от сословной принадлежности. Эта мера стирала сословные границы и подрывала традиционный социальный статус самураев, лишая их последней монополии — исключительного права носить оружие и воевать.

Кроме военных реформ рассматривается экономика. Страна впервые оказалась связанной воедино железными дорогами, что дало мощный импульс хозяйственной интеграции. Строительство флота и транспортных коммуникаций стимулировало развитие тяжёлой промышленности. При поддержке зарубежных инвестиций правительство развернуло сеть крупных заводов. В этот период складывается клановая система дзайбацу — семейных торгово-промышленных объединений, контролировавших предприятия самого разного профиля. Крупнейшими из них стали Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда, каждая из которых обладала собственной финансовой

базой, что обеспечивало устойчивость бизнеса и закладывало основу экономической стабильности страны.

Экономическому подъёму способствовало и реформирование образования. С 1872 года создавались учебные заведения, открытые для детей разных социальных групп. Воспитание строилось вокруг идеи священного долга — служения императору и государству. Техническое образование стало повсеместным, что позволило в перспективе отказаться от дорогостоящих иностранных специалистов и обеспечить промышленность собственными кадрами. Помимо подготовки рабочих, колледжи начали выпускать государственных служащих и повышать образовательный уровень военных. Школа воспитывала дисциплинированного, преданного и не склонного к протесту гражданина, одновременно готовя рабочую силу для фабрик и верфей. За короткий период образовательные реформы способствовали формированию рационального, технологически ориентированного общества, объединённого идеей национального единства.

К началу XX века результаты модернизации стали очевидны: активно развивались транспортная инфраструктура и промышленная база, появлялись предприятия, ориентированные на внутренний и внешний рынок, формировались предпринимательские круги, заинтересованные в расширении торговли. Рост экономического и военного потенциала позволил Японии проводить всё более активную внешнюю политику, направленную на расширение влияния в Восточной Азии и обеспечение доступа к ресурсам, необходимым для дальнейшего развития.

Внешняя политика Японии начала XX века была неразрывно связана с внутренней модернизацией. Все началось с победы над Китаем в войне 1894–1895 годов. По Симонсекскому договору признавалась независимость Кореи, что фактически превращало её в сферу японского влияния, а к Японии отходил остров Тайвань. Эта война стала первой крупной внешней кампанией модернизированной Японии и завершилась её убедительной победой. Русско-японская война 1904–1905 годов ещё более укрепила международное

положение страны: впервые в новейшей истории азиатское государство одержало победу над крупной европейской державой. Следующим шагом стало окончательное включение Кореи в состав Японской империи в 1910 году.

Первая мировая война, отвлекшая ведущие державы на европейский театр, позволила Японии быстрыми темпами нарастить экономическую мощь и расширить геополитическое влияние. Япония оккупировала германские владения в китайской провинции Шаньдун и на тихоокеанских островах, а в 1915 году предъявила Китаю «Двадцать одно требование», стремясь закрепить политический и экономический контроль над страной. Двусторонние соглашения с Россией, Францией, Великобританией и США закрепили японские территориальные приобретения. В 1919 году на Версальской конференции Япония вошла в «Большую пятёрку» ведущих держав и получила постоянное место в Совете Лиги Наций, став первой азиатской страной, официально признанной равноправным мировым лидером. Укрепление экономики и государственных институтов позволяло активно расширять влияние в Восточной Азии, а стремление к ресурсам и новым рынкам постепенно превращало страну из региональной державы в значимого участника международных отношений.

В этой же главе рассматривается самурайское сословие, его юридическая и фактическая ликвидация. Упразднение сословия не означало мгновенного исчезновения его морального кодекса. Бусидо лишилось прежней социальной основы, но сохранилось как культурное наследие, открытое для разных интерпретаций. Именно в этот момент государство начинает активно переосмыслять самурайские ценности, превращая их в инструмент воспитания лояльности всех подданных.

Глава 2. Мори Огай и самурайский дух. В самом начале главы анализируется обстановка в литературной сфере. Далее просматриваются основные периоды жизни писателя – происхождение и воспитание, учеба в Германии, военная карьера и начало литературной деятельности. Пребывание в Германии поставило Огая в уникальное положение: будучи самураем по

воспитанию, он воспринимал Европу не как объект для подражания, а как предмет сравнительного анализа. С одной стороны, он отдавал должное мощи западной науки; с другой – всё отчётливее осознавал, что технический прогресс сам по себе не разрешает вопросов духа, морали и национальной идентичности. Именно эта двойная оптика – способность видеть и сильные стороны западной цивилизации, и её внутренние пределы – определила характер его зрелого творчества.

Неспокойная обстановка в стране, смерть генерала Ноги Марэсуки подвела Мори Огая к новому этапу творчества. После нескольких лет активного участия в литературной жизни и столкновений с цензурой писатель начал искать материал, который позволял бы говорить о долге, чести и внутреннем конфликте, не прибегая к прямой отсылке на современность. Исторические сюжеты давали нужную дистанцию: события эпохи Эдо или более ранних периодов служили своеобразным зеркалом, в котором отражались напряжения эпохи Мэйдзи.

Важную роль сыграло и постепенное разочарование в возможностях западных литературных форм передать специфику японского опыта. Если ранние произведения Огая во многом опирались на европейские образцы и романтические мотивы, то к началу 1910-х годов автор все чаще ощущал недостаточность этих инструментов для анализа коренных проблем японской культуры. Самурайские хроники и биографии воинов предоставляли богатый пласт фактов и легенд, где вопросы верности, жертвенности и личной ответственности стояли особенно остро. Обращаясь к ним, Огай мог исследовать психологию человека, поставленного перед неразрешимым выбором, без риска прямой конфронтации с властями. На материале трех ключевых исторических повестей анализируется, как Огай препарировал разные грани самурайской этики.

В заключении подводятся итоги исследования:

Социальные преобразования эпохи Мэйдзи коренным образом изменили положение самураев, лишив их прежних привилегий и включив в новую

систему государственного устройства. Отмена сословных границ и введение всеобщей воинской повинности разрушили монополию на военную службу, которую самураи удерживали веками, а перевод жалованья в единовременные выплаты капитала поставил многих представителей класса перед необходимостью искать новые источники дохода. Часть бывших воинов смогли найти себе применение в государственных учреждениях, образовании и промышленности, тогда как другие оказались в числе тех, кто не сумел адаптироваться к рыночным условиям и пополнил ряды недовольных.

Экономические нововведения, включая земельную реформу и развитие капиталистических отношений, усилили расслоение внутри бывшего сословия: наиболее предприимчивые сумели вложить средства в бизнес или приобрести землю, тогда как большинство столкнулось с утратой устойчивого положения. Военная реформа, опиравшаяся на прусские образцы, окончательно исключила самураев из армейской иерархии, заменив их призывной системой, и тем самым лишила традиционного смысла существования.

В обществе в целом эти изменения способствовали формированию более мобильной социальной структуры, где происхождение постепенно уступало место образованию и профессиональным навыкам. Долгосрочные последствия выразились в том, что часть самураев внесла заметный вклад в бюрократический аппарат и военную элиту новой Японии, тогда как другая сторона процесса проявилась в культурной ностальгии и отдельных всплесках недовольства, не изменивших общего направления модернизации. Таким образом, реформы не просто устранили старый класс, но и перераспределили его человеческий потенциал, заложив основы для последующего развития страны.

Творчество Мори Огая складывалось как раз в этот период глубоких перемен, когда Япония после реставрации Мэйдзи активно впитывала западные идеи, одновременно сохраняя собственные культурные корни. Анализ ранних произведений показывает, как автор постепенно отходил от

романтической сентиментальности к более сдержанному и аналитическому стилю. Кружок «Кантеро» дал Огаю возможность проверить собственные литературные установки в споре с единомышленниками. Здесь формировалось его представление о литературе как пространстве, где западные приёмы повествования могли соединяться с японской традицией короткого, ёмкого высказывания. Именно в эти годы наметился устойчивый мотив внутренней раздвоенности героя, который позже станет центральным в большинстве его текстов.

Демократические настроения начала века напрямую отразились в произведениях, где автор обращался к повседневной жизни городских низов и мелкого чиновничества. Рассказы, написанные под влиянием движения хэймин-ундо, демонстрируют, насколько остро Огай воспринимал растущее социальное напряжение. Цензура и последовавшие за ней ограничения заставили его искать новые формы выражения, что особенно заметно в «*Vita sexualis*» и памфлете «Башня молчания». Переход к историческим повестям стал логичным продолжением этого поиска: обращение к самурайскому прошлому позволяло говорить о чести, ответственности и власти, избегая прямых столкновений с современной цензурой.

В произведениях Мори Огая самурайская этика предстает не как застывший набор правил, а как живая, порой противоречивая сила, способная как объединять, так и разрушать. Через образы Окицу Ягоэмона, членов семьи Абэ и участников событий в Годзиингахаре писатель показывает, насколько глубоко кодекс чести проникает в личные судьбы и общественные отношения. Эти персонажи воплощают не только верность долгу и стремление к достоинству, но и неизбежные издержки жесткой иерархии, где стыд и месть становятся движущими механизмами. Огаю удается сохранить историческую достоверность, не превращая повествование в иллюстрацию официальной идеологии. Напротив, его тексты обнажают напряжение между традиционными ценностями и требованиями нового времени, где прежние идеалы начинают звучать двусмысленно. Такой подход позволяет увидеть, как

этика самураев трансформируется под влиянием вестернизации, сохраняя при этом способность критически осмыслять современность. В итоге творчество Огая демонстрирует, что обращение к прошлому служит не бегством, а способом осознать текущие конфликты идентичности и морального выбора.